

— Но они другие, — доносился голос Гу Шэна, похожий на вздох. — Несмотря на то, что они простые люди, они разбираются в театре не хуже, чем господин Сунь. Они уважают меня больше, чем те, кто приходит в театр, чтобы развлечься. Когда у меня есть настроение, я пою им, а они говорят, что можно изменить в новой постановке; если я не хочу петь, даже если они шумят, я могу отказаться, и в конце они спросят, не болит ли у меня голова.

— Они относятся ко мне как к человеку, понимаешь? — Гу Шэн улыбнулся, сделав маленький глоток чая.

Его слова прозвучали неожиданно резко, и Сун Чжао почувствовал себя неловко:

— Цзян Чэн... Цзян Чэн действительно заботится о тебе, просто он немного распушен... В конце концов, он наследник семьи Цзян, привыкший жить так, как хочет, и ему трудно измениться, это нормально...

Гу Шэн усмехнулся:

— А я, значит, должен терпеть его до самой смерти?

— Нет... — Сун Чжао запнулся, пытаясь оправдаться. — У Цзян Чэна тоже бывают хорошие моменты... Он недавно приходил ко мне, настаивая, чтобы я передал ему коллекцию украшений. Честно говоря, если бы он попросил что-то другое, я бы без колебаний отправил это в дом Цзянов, но эти вещи я с большим трудом достал у перекупщика, и мне жаль расставаться с ними. Он даже заплакал, и я подумал, что он, возможно, действительно искренен по отношению к вам.

Он заметил, что Гу Шэн молчит, и, почувствовав, что сказал лишнее, сменил тему:

— Вы получили это? Цзян Чэн ушёл тогда с улыбкой, не хватало только цветка, но вы можете оставить это для красоты...

— Какой перекупщик? — вдруг прервал его Гу Шэн, подняв взгляд.

Сун Чжао растерялся, заикаясь, ответил:

— Бай Сяобао, известный перекупщик в порту Цзиньчжоу, это...

За дверью внезапно раздался шум, и телохранитель Сун Чжао, выглядевший серьёзно, пробился через толпу, собравшуюся посмотреть на господина Гу, и быстро подошёл к нему.

Гу Шэн с безразличным выражением лица смотрел на человека, ворвавшегося в дверь. Телохранитель наклонился и что-то шепнул Сун Чжао на ухо. Его лицо изменилось, и он тут же вскочил, широко раскрыв глаза:

— Что ты сказал?

— Это правда, только что пришло сообщение от командующего Шэнь Яо — Ида Казуюки мёртв!

В то же время Цзян Чэн полулежал в кресле во главе конференц-зала, его мрачный взгляд медленно скользил по строго сидящим старшим офицерам за подковообразным столом. Он время от времени подносил к губам сигару, и слабый дым постепенно застилал взгляды присутствующих.

— Если Шэнь Яо начнёт действовать, — Цзян Чэн выпрямился, мрачно указав на карту в руке,

— нам придётся быть готовыми к прямому столкновению. — Командир Гао, я понимаю вашу точку зрения, он пытается оказать на меня давление, используя обвинения в «убийстве» и угрозы японцев. Моя позиция ясна: на сегодняшний день мир в Цзингуане невозможен, сотрудничество с японцами — это их иллюзия, бред!

— Командир, — начальник штаба сдержанно возразил, — похоже, вы всё ещё не понимаете нашей позиции, поэтому я повторю. Мы должны оставаться в стороне от конфликтов с японцами. Ваши позиции в Цзиньчжоу ещё не укреплены, и сейчас самое время сохранять низкий профиль, пока в Цзингуане сохраняется мир. Если конфликт начнётся, в Цзингуане снова начнётся хаос, и тогда...

— Тук-тук-тук!

Внезапно раздался резкий стук в дверь. Цзян Чэн разозлился, но денщик ворвался в комнату, сообщив, что в его кабинете принят чрезвычайно важный звонок, и добавил, что звонит Цзян Чжия.

Цзян Чэн нахмурился, швырнул карту на стол и быстрыми шагами направился в кабинет, схватил трубку и холодно произнёс:

— Я слушаю!

— Резиденция Маолинь! Ты должен немедленно сюда приехать! — Цзиньчжоу... Цзиньчжоу на пороге перемен!

Цзян Чэн широко раскрыл глаза, его мысли едва успели вернуться от предыдущих событий, и он резко спросил:

— Что ты сказал?

На другом конце провода раздался шум и голоса, и Цзян Чжия быстро что-то приказал, после чего его адъютант взял трубку:

— Господин Цзян! Резиденция Маолинь горит, Ида и его люди в ловушке. Мы только что получили звонок от госпожи Фан, которая сказала, что слышала выстрелы в комнате Иды Казуюки, а затем начался пожар...

— Я понял, — холодно ответил Цзян Чэн, готовясь положить трубку. — Я сейчас на совещании, как только разберусь с делами, приеду!

— Нет... — адъютант заколебался и в последнюю секунду успел добавить:

— Мы предполагаем, что господин Гу тоже может быть там... Говорят, у Иды были особые пристрастия, и он пригласил его...

Цзян Чэн бросил трубку и развернулся, чтобы уйти!

Сделав два шага, он вернулся, быстро набрал номер на диске, но длительное отсутствие ответа заставило его лицо окаменеть, и он бросился к двери!

Пока Цзян Чэн мчался к резиденции Маолинь, Сун Чжао тоже вёз Гу Шэна туда же.

Мысли Сун Чжао были запутаны. Он не удивился, что Ида Казуюки оказался в резиденции Маолинь, он даже ожидал этого. Но его поразило, что такой важный человек, как Ида, мог

попасть в беду в таком людном месте, и новости об этом дошли только через день. Но ещё более пугающим было то, что рядом с ним находился этот человек.

Гу Шэн полулежал на заднем сиденье, свет уличных фонарей струился по его лицу, как приливная волна.

Это он попросил Сун Чжао поехать с ним, хотя Ида Казуюки был важен и для семьи Сун. Но если бы Гу Шэн не предложил, он бы сначала отвёз его домой к Цзянам, а затем отправился бы сам.

Сейчас его больше всего беспокоило не состояние дел семьи Сун, а то, как он сможет оправдаться перед Цзян Чэном, если они столкнутся.

— Если Цзян Чэн увидит, что я приехал с Гу Шэном, это уже будет огромным нарушением, а если он ещё узнает, что я угощал его лапшой, выпил с ним вина и даже попросил спеть... — Сун Чжао невольно вздохнул, стараясь подавить внутреннее беспокойство, заставляя себя сосредоточиться на событиях убийства.

Когда Цзян Чэн прибыл на место, яркое пламя уже поднималось с восточной стороны казино, ослепительный жёлтый свет и густой дым раздувались всё сильнее с востока, огонь быстро распространился на второй и третий этажи резиденции. Изнутри доносились треск и взрывы, женщины, оказавшиеся в ловушке, кричали от ужаса. У входа на первом этаже и на танцполе толпились гости в самых разных состояниях, полиция и сыщики ещё не прибыли, а журналисты уже выстроились в круг, крича и создавая шум.

Его мозг на мгновение опустел, как будто что-то чрезвычайно важное было внезапно прервано, и он на мгновение потерял связь с реальностью. По инерции он позвал своего помощника:

— Лао Чжан! Быстро организуй тушение пожара! Сяо Ли! Пусть полиция, эти бездельники, быстро приезжают! Внутри ещё могут быть люди! Чёрт...

Подчинённые бросились выполнять приказы, а гости в разорванной одежде и полуодетые танцовщицы поспешно выводились наружу. Толпа текла мимо Цзян Чэна, он сделал два с половиной круга на месте, пока его не толкнула перепуганная девушка, и он наконец очнулся.

Наверху был пожар, и все внутри уже выбрались.

Но где же Гу Шэн?

Фан Кай с людьми блокировал и очищал место происшествия, из соображений безопасности несколько полицейских почтительно попросили его уйти:

— Господин Цзян! Здесь слишком опасно!...

— Пошли прочь! Лучше бы вы пошли тушить пожар! — Цзян Чэн выругался и резко оттолкнул двоих, тянувших его за руки.

Если бы кто-то присмотрелся, он бы заметил, что его челюсть была плотно сжата, а мышцы лица напряжены до предела, вены на тыльной стороне руки вздулись, и выражение его лица было не просто злым или мрачным, а скорее... скорее напоминало глубокий страх и печаль.

— Эй, Цзилян! Не мучай их! Тушить пожар важнее, давай уступим! — Шэнь Яо, поправляя одежду, поспешно вышел изнутри, но не успел положить руку на плечо Цзян Чэна, как тот

ударил его ногой в живот!

...Я не смог удержаться от добавления большего количества деталей о быте и нравах того времени... Обнимаю свои черновики (умираю со смеху).

Возможны некоторые ошибки в хронологии, я, возможно, ещё внесу изменения. Надеюсь, вам понравилось читать!

<http://bllate.org/book/16144/1445757>